

ИВАН ЛЮБЕНКО

черновик беса

Клим Ардашев

Иван Любенко
Черновик беса

«Автор»

2016

Любенко И. И.

Черновик беса / И. И. Любенко — «Автор», 2016 — (Клим Ардашев)

В конце июня 1913 года Клим Пантелеевич Ардашев получает приглашение от старого друга погостить в его имении на Черноморском побережье. Заметные нотки беспокойства в письме заставляют адвоката не откладывать поездку. Уже находясь в Сочи, а потом и в Тифлисе, он становится свидетелем череды таинственных преступлений... А всё началось со случайно взорвавшейся керосиновой лампы и засохшей пальмы...

© Любенко И. И., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	15
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Иван Любенко

Черновик беса

Внучке Софии посвящается...

Глава 1

Письмо

Вторник, 25 июня 1913 г.

Всё утро в Ставрополе лил дождь, только к обеду серые тучи нехотя расступились и пропустили улыбочивое солнце. Июнь заканчивался. В это время года – пору суховеев и пыльных бурь – город обычно замирал до самого сентября. Состоятельные горожане старались выбраться к морю или на воды. Остальные жители гуляли вечерами в Городском саду, катались на лодках по Архиерейскому пруду или ставили самовары в собственных дворах под раскидистыми яблонями и грушами.

Пожалуй, 1913 год был самый счастливый для Ставрополя. Такого сытного и безмятежного времени не было раньше, не будет его и потом. Строились новые особняки и доходные дома, мелкие кустарные мастерские превращались в заводы и фабрики. Урожай пшеницы в губернии был рекордным. Успешно продолжалось строительство Армави́ро-Туапсинской железной дороги, соединяющей хлебные районы степного Кавказа и новый порт на Чёрном море, ставший, помимо уже затоваренного зерном Новороссийска, ещё одним экспортным окном страны.

Присяжный поверенный Окружного суда Клим Пантелеевич Ардашев находился в Ставрополе, хотя финансовых затруднений не испытывал. Все последние дни он участвовал в судебных заседаниях по делу клиента, несправедливо обвинённого в подделке чужих векселей. Вчера присяжные вынесли оправдательный вердикт, и теперь можно было подумать об отдыхе.

Клим Пантелеевич сидел в своём кабинете, пил чай и просматривал утренние газеты. «Северокавказский край» едва справлялся с рекламой. Кричащих зазывных квадратов и прямоугольников с огромными буквами и рисунками было так много, что эти мини-афиши уже занимали не только первую и последнюю страницы, но переселились на вторую, и даже на третью. «Ювелирный и часовой магазин Яременко» на Николаевском 43 предлагал золотые и серебряные часы «Г. Мозер и К°», «Омега» и «П. Буре», купец Бедросов продавал велосипеды «Свифт» с английскими мотоциклетными моторами, а чугунно-литейный механический завод «Адольфа Шмидта и К°» расхваливал самый ходовой товар для мельниц – «надёжные жерновые поставы». Деловые объявления сменялись рекламой развлечений: «Цирк Ж.А. Труцци» заехал в губернскую столицу и обещал дать только восемь представлений. В Воронцовской роще, на открытой сцене театра М.С. Пахалова, три раза в неделю идёт концерт-варьете «Забывшая любовь», поставленный французским режиссёром Жоржем Рантье. Зверинец В. Туревича разместил свои клетки на Александровской базарной площади. «Посетители могут увидеть: слона с острова Цейлон, до полутора десятков львов разных пород и возрастов, пум, гиен полосатых и пятнистых с мыса Доброй Надежды, оленей-мускус, ламу, кенгуру, дикобразов, антилопу, армадилл-броненосца, енота, разных пород медведей, волков и других млекопитающих. Помимо того, афишей обещаются интересные представления с участием укротителей и дрессировщиков этих животных».

Другая газета – «Русское слово» – извещала, что в Севастополе «воздушная флотилия из пяти аэропланов совершила перелёт через Евпаторию в Симферополь и обратно». Чуть ниже

выделялась заметка об участниках «кругового автомобильного пробега по России». Застигнутые сильным ураганом по пути из Самары в Саратов автомобилисты были «принуждены ночевать в степи. Лишь поздно вечером следующего дня они прибыли в город».

Дверь кабинета открылась, и в комнату вошла супруга.

– Клим, принесли заказное письмо с уведомлением о вручении. Я расписалась за тебя, – она протянула конверт.

– О! Из Сочи. Сергей Николаевич прислал! – воскликнул Ардашев и вскрыл послание костяным ножом.

– Я пойду? – тихо спросила Вероника Альбертовна.

– Остайся. Кстати, Надежда Алексеевна тебе давно писала?

– Мы обменялись открытыми письмами на Рождество.

– Так-так... – Ардашев развернул, лист почтовой бумаги и принялся читать:

Здравствуйте, дорогой Клим Пантелеевич!

Как там Вы? Как Вероника Альбертовна? Мы с женой уже соскучились по Вас. Приезжайте! Места у меня, как Вы знаете, предостаточно, да к тому же, второго такого парка, кой устроил я, в Сочи не найти. Будем гулять среди пальм и кипарисов, плавать в море, а вечерами сидеть на террасе, потягивать кофе с коньяком, грустить и ругать Правительство. И совсем неважно какое! А потом сразимся на бильярде. Только с Вас фора в три шара. Договорились?.. Вот уже сколько времени минуло, а вы так ни разу у меня и не гащивали, хотя обещания о приезде давали каждый год. Уверен, Вам здесь так понравится, что не захотите более никаких Средиземноморских круизов. А Веронике Альбертовне передайте, что у меня теперь свои купальни на море имеются. Да-с, разжился. Так что присутствие посторонних полностью исключено. И никто, кроме чаек, наших дам не потревожит. А помните, как Чехов описывал море в Вашем любимом рассказе: «вода была сиреневого цвета, такого мягкого и теплого, и по ней от луны шла золотая полоса»? Так вот, с верхней галереи моего парка открывается чудный вид на сочинскую бухту. И лунную дорожку можно наблюдать каждый вечер. Решайтесь, дорогой мой! Вот почувствуетесь здесь и напишите какой-нибудь приключенческий роман этак на двадцать-тридцать авторских листов, а? Помню, Вы рассказывали мне про сокровища. Отличный сюжетец! Глядишь, и гонорар получите такой, что сам сочинитель Горький впадёт в уныние... Давненько Вы не баловали «Петербургскую газету» литературными новинками. Присылайте, напечатаю тот час же. Да что там раздумывать? Собирайте чемоданы.

P.S. Признаюсь, меня гложет дурное предчувствие... Подробности расскажу при встрече. Приезжайте всенепременно, очень Вас прошу.

Ваш старый и верный друг С.Н. Толстяков».

23/VI-13 г.

– У меня, собственно, в ближайшее время никаких дел нет, – задумчиво выговорил Ардашев. – Можно и съездить. Сергей Николаевич что-то хандрит... Сочи хоть и маленький городок, но, говорят, очень приятный, и климат там чудесный.

– Я с удовольствием! Ты ведь знаешь, как я мучаюсь в этом губернском захолустье. Тут же всего две порядочных улицы – Николаевский проспект и Александровская. Стоит отойти на полверсты от Губернаторского дома, как перед тобой открывается настоящая южная деревня: крытые камышом хаты, куры, норвящие угодить под колёса извозчичьих пролёток, бабы в

платках... Движений, жизни, интересов – никаких. Тихая скука. Заезжих театров мало, а местных лицедеёв уже видеть не могу. У меня от них скулы сводит, как от лимона. Возьми хотя бы нашу первую театральную величину – Сашку Ростовского. Человек с гуттаперчевой совестью. Он не только в обществе жеманничает, но и на сцене кривляется. На премьере «Дяди Вани» купчихе Меснянкиной воздушный поцелуй послал. А знаешь почему? Потому что благодаря ей он главные роли получает. Муж-то её театру немало ассигнует. Вот старая гримза и решает, кому в новых спектаклях играть, а кому губы кусать от зависти за кулисами. Ну, нравится ей, когда смазливые актёришки её сморщенные ручки целуют. – Вероника Альбертовна поднялась, подошла к окну и вымолвила раздражённо: – Господи! Да как же мне этот Ставрополь надоел!

– Не нравится – уезжай, – сухо выговорил Клим Пантелеевич.

– Без тебя?

Ардашев промолчал.

Опустив глаза, супруга пролепетала:

– Ну прости меня, Клим, прости. А в Сочи я с радостью...

– Хорошо. Стало быть, завтра и поедem. Пошли Варвару за билетами. До Новороссийска доберёмся поездом, а дальше – пароходом. Пусть покупает первый класс. А сейчас, прости, мне надобно работать.

– И всё-таки, вижу, ты на меня обиделся... Ладно, не буду мешать.

Вероника Альбертовна вышла, оставив мужа одного.

«Вероятно, у Сергея Николаевича что-то стряслось, – мысленно заключил Ардашев. – Не помочь ему я не могу. Он, безусловно, замечательный человек. В своё время обратил внимание на мои первые литературные начинания и с тех пор печатает в «Петербургской газете» всё, что я написал. К тому же, давно и настойчиво зовёт к себе; да и наши жёны отлично ладят».

Глава 2

В пути

Новая Армави́ро-Туапси́нская железная дорога ещё строилась, и попасть в Новороссийск можно было только через станцию Кавказскую по Владикавказской железной дороге.

Купе первого класса обошлось Ардашевым в месячное жалование кузнеца или слесаря – почти тридцать рублей. На отдыхе Клим Пантелеевич не экономил.

Дорога пролетала незаметно благодаря тому, что в руках у присяжного поверенного был седьмой том полного собрания сочинений А.П. Чехова. Вероника Альбертовна была увлечена чтением очередного любовного романа. Время от времени она огорчённо вздыхала. Видимо, на первых страницах её героине отчаянно не везло.

Поезд покачивало, и в стаканах постукивали чайные ложки. В купе стоял лёгкий запах линкруста – смеси канифоли и воска. За вагонным окном пейзаж был самый простой: степь, редкие жидкие рощицы, кустарник, поля с рожью и снова степь. Изредка попадались бесчисленные отары овец, охраняемые чабанами в косматых шапках с огромными собаками, превосходившими в холке самого большого барана. «Здесьней природе явно не хватает влаги, – глядя в окно, думал Ардашев. – Главные реки губернии – Большой Егорлык, Калаус и Кума полноводны только весной, в остальное время года почти пересыхают. Речная вода из-за насыщенности солями тоже имеет солоноватый привкус. Крестьяне северо-восточных районов иногда даже не могут вдоволь напоить скот. Помнится, ещё в 1871 году инженер Агапов разработал проект Кубано-Егорлыкского канала протяжённостью в шестьдесят три версты. Канал должен был напоить тринадцать сёл Медвеженского уезда, два села Ставропольского уезда и три станции Кубанской области. Стоимость всех работ указывалась точно: 482 566 рублей 70 копеек. Только проект так и остался на бумаге. Желавших ассигновать в него средства не нашлось. Вот и мучается ставропольская земля от суховея, засухи и безводья».

На стрелках поезд подрагивал. Показались привокзальные строения. Изрядно попрыгав, локомотив остановился. Послышался звон станционного колокола. На отдалённых путях надрывно стонали паровозы.

– Станция «Кавказская». Стоянка один час. Извольте обедать, – прокричал проводник.

Одноэтажное здание вокзала отличалось продуманной архитектурой с некоторой претензией на роскошь. Выстроенное из красного кирпича с рядом высоких окон, оно постепенно переходило в величественное двухэтажное сооружение, украшенное резными узорами в исконно русском стиле. Чувствовалось, что у архитектора был хороший вкус.

Для пассажиров первых трёх классов распахнулись двери ресторана. Негромко играл патефон. Слышалось меццо-сопрано несравненной Анастасии Вяльцевой.

Официанты, облачённые в длинные фартуки, выстроились в шеренгу, приветствуя гостей. На столах блестели латунные таблички с надписями: «I–II класс» и «III класс». Блюда, хотя и отличались, но не особенно. Если вояжёр первого и второго классов ждал борщ польский, фаршированная индейка с салатом из маринованных вишен, щука фаршированная под соусом, говяжьё отбивные с картофельными крокетами и солёные маслята, то для третьего класса предлагался суп из осетровой головы, курица под соусом с лимоном, мясная солянка, картофельное пюре и гренки с селёдкой. Вместо «Моэт» – «Цимлянское» и «Барсак». Водка «Смирновская» и пиво «Калинкин» присутствовали на всех столах. Правда, первый и второй класс мог ещё вкушать Кизлярского коньяка «Тамазова» и «Шато-Лафит». На приставном столике уже кипел самовар. Желавшим подавали кофе. Тут же стояла корзина с пряниками и вафлями, на блюде красовались эклеры, а в вазочке – мармелад.

Четвёртый класс коротал время в буфете. За два гривенника можно было купить часть жареного цыплёнка, за пятак – бутерброд с паюсной икрой или кусок кровяной колбасы, либо копчёную корюшку с картошкой, или пирог с гречневой кашей и грибами. За пятьдесят копеек небогатого россиянина ждал приличный кусок варёной телятины с горчицей или хреном. На привокзальной площади торговали клубникой, малиной, черешней, пирожками и квасом.

Основательно подкрепившись, вояжёры вновь разбрелись по вагонам. И снова застучали колёса. Их мерный стук клонил в сон. Поезд прошёл Тихорецкую, Станичную, Екатеринодар, Крымскую и, миновав станцию Гейдук, подобрался к Новороссийску. Днём отсюда открылся бы великолепный вид на раскинувшийся город с бухтой, элеваторами и портовыми сооружениями. Но теперь стояла ночь, и лишь далёкие редкие огоньки, точно горящие в темноте лампадки, обозначали Новороссийск.

Паровоз подкатил к вокзалу. Сонные пассажиры выходили на перрон без спешки. Пахло пропиткой деревянных шпал и горячим маслом вагонных буют.

Носильщик, бойко подхватил чемоданы Ардашевых у багажного вагона и повёз их на тачке до первого экипажа. Получив двугривенный, артельщик благодарно поклонился. Выверенными движениями извозчик закрепил чемоданы и погнал лошадок по пустым улицам. Тускло светили керосино-калиийные фонари. На город опустилась желанная ночная прохлада, и чувствовался запах моря.

Гостиницу Ардашев выбрал заранее. «Европа» – лучший отель Новороссийска – располагался в Старом городе. Дорога к нему лежала по берегу бухты мимо пристаней, пересекая множество железнодорожных веток, а в одном месте шла тоннелем Владикавказской железной дороги и продолжалась под нависшими на металлических подпорках рукавами элеватора, где по бесконечной ленте ссыпалось зерно в трюмы пароходов. Фаэтон проехал через реку Цемес и осушаемое Цемесское болото. Неподадёку виднелись тёмные силуэты нефтеналивных баков.

Наконец, въехали и на Серебряковскую – главную улицу города. Судя по вывескам, освещённым электрическими фонарными столбами, на ней размещались почти все государственные учреждения: «Волжско-Камский коммерческий банк», «Русский-Торгово-Промышленный банк», кинематограф «Вулкан», аптека «Кормана», гастрономия «Губарева и Терещенко», «Азиатские товары Сулеймана Хаджи-ага-оглы», «Кондитерская Д. Кешьян», «Кафе де пари», городская Баллионовская Публичная библиотека и бесчисленные галантерейные магазины.

Едва экипаж остановился у гостиницы, как тут же появился носильщик. Внутренне убранство «Европы» впечатляло: хрустальная люстра заливала электрическим светом вестибюль. Потолочная лепнина, дорогие французские обои и мраморная напольная плитка, упрямая под ворсистыми коврами, производили вполне благоприятное впечатление на гостей.

Зарегистрировав постояльцев, услужливый портье протянул ключи. За четыре рубля Ардашевы сняли самый дорогой номер с большой кроватью и прекрасным видом из окна. Ещё рубль пришлось отдать горничной за приготовление двух горячих ванн¹. Уставшие с дороги, супруги быстро попали в объятия Морфея.

¹ Надо отметить, что во многих городах Черноморского побережья Кавказа были проблемы с горячей водой и потому горничные готовили горячие ванны за дополнительную плату, т. к. в номера поступала только холодная вода. В более дешёвых гостиницах вообще отсутствовала ванна, и постояльцы нередко привозили с собой складную каучуковую ванну, по форме напоминающую большой резиновый таз. Уже в советское время такую ванну с собой на гастроли брал поэт В. Маяковский.

Глава 3

Новороссийск

Ардашевы проснулись около восьми, когда под самыми окнами отеля торговец фруктами принялся кричать во всю силу своих лёгких: «Персики, абрикос, инжир, персики, абрикос, инжир!».

После лёгкого завтрака в ресторане супруги заказали билеты до Сочи и через полчаса их принесли прямо в отель. Первый класс обошёлся почти в двадцать три рубля. Теперь можно было и прогуляться по городу. «Батум» отходил в четыре часа пополудни с остановками в Геленджике, Джубге, и Туапсе. Прибытие в Сочи ожидалось ранним утром следующего дня. Ни в один из портов «Батум» не заходил, останавливал машины на рейде (правда, в светлое время суток и в тихую погоду суда с малой оснасткой вполне свободно приставали к Туапсинскому молу).

Новороссийск днём выглядел не таким чистым и ухоженным, каким показался ночью. Оказалось, что только центральные улицы вымощены речной галькой или отсыпаны щебнем. Около дверей бесчисленных кофеен крутились греки, армяне, турки и грузины. С утра до вечера они пили турецкий кофе, обсуждали местные новости, играли в кости прямо у дверей и иногда тут же заключали взаимовыгодные сделки.

– Почти как в Константинополе, – указывая на мужчин, воскликнула Вероника Альбертовна.

Клим Пантелеевич улыбнулся и кивнул в ответ, хотя в целом, город напоминал, скорее, Ставрополь. Те же одноэтажные дома, широкие улицы, городские на перекрёстках, полное отсутствие таксомоторов и множество садов. Но в отличие от степного Ставрополя здесь было море. Оно не только кормило горожан, но и являлось главной внешней артерией южной части империи. А родной город Ардашева, к сожалению, находился на своеобразном транспортном отшибе, и железнодорожная ветка, подведённая к нему, представляла собой тупиковый отрожек Владикавказской железной дороги.

У входа в Городской сад на тумбах пестрели ярко-красные афиши «Опереточной труппы Альберта Фукса», приехавшей на гастроли из Москвы. Представления проходили в летнем театре по пятницам, субботам и воскресеньям.

В газетном киоске присяжный поверенный купил «Новое время» и две местные газеты. Лёгкий, едва заметный утром ветерок усилился и уже грозил сорвать головные уборы, а потому супруги поспешили зайти в ближайшее кафе.

Две чашки кофе, бутылка сельтерской, эклер и кусочек торта улучшили настроение.

Наслаждаясь любимым напитком, Ардашев принялся просматривать новости. Пятикопеечная «Черноморская газета» рассказывала о закладке новых виноградников в окрестностях Новороссийска. По словам автора статьи, местные высокие сорта вин – сотерн (семильон), каберне и рислинг – ничем не уступали заграничным, а здешнее шампанское завоёвывало всё большую популярность в России. «Только за прошлый год из имения Абрау-Дюрсо в Петербург было поставлено 117 800 бутылок и 46 750 в Москву. На заводе воздвигнуты казармы для сезонных рабочих, сооружена водокачка, действует больница, церковь, построены квартиры для служащих. Тоннели и подвалы, вырубленные в каменных скалах, вмещают до 200 000 вёдер вина»... Газета «Черноморское побережье» сообщала о подключении к электричеству новых улиц губернского Новороссийска. Отмечалось, что «это стало возможным только благодаря строительству электростанции». Отложив местную прессу, Ардашев взялся за столичное «Новое время». Но стоило ему открыть вторую страницу, как лицо адвоката помрачнело, и середину лба разрезала напряжённая морщина.

– Что-то случилось, Клим? – негромко спросила Вероника Альбертовна. – Ты чем-то огорчен?

– Да, вот послушай: «В минувшую среду, 26 июня, около восьми часов вечера в редакции «Петербургской газеты» произошёл пожар, в результате которого погиб первый секретарь Сырокамский П.П. Как сообщают очевидцы, из-за починки электрических проводов в тот вечер было отключено освещение на всей улице. О планируемом ремонте объявили заранее. Имея неотложные дела, первый секретарь издания решил воспользоваться фотогеновой лампой, однако из-за неисправности она взорвалась и причинила пострадавшему смертельное поранение (по словам полицейских, её металлические осколки найдены как в сгоревшем труп, так и на месте пожара). Кроме того, огонь уничтожил многие рукописи авторов, приготовленные к изданию. Редакция «Нового времени» приносит свои искренние соболезнования семье погибшего и всем коллегам «Петербургской газеты».

– Сырокамский, получается, помогал Толстякову?

– Да. Первый секретарь – это помощник редактора Аверьяна Никаноровича Кривошапки. На нём вся газета держалась. Работа с верстальщиками, авторами, репортёрами, общение с властями... С тех пор как Сергей Николаевич увлёкся написанием «Истории танца» вся ежедневная рутина легла на Сырокамского. Кривошапка не очень-то утруждал себя заботами. Сам Толстяков, числится главным редактором. Он оставил себе для всего два вопроса: распределение прибыли и окончательное решение по новым авторам, печатать или нет. Рукописи ему присылает Кривошапка по почте. Но согласись, какая нелепая смерть! И за что ему так? А ведь неплохой был человек. Помню, как-то привёз ему тетрадку первого сборника своих рассказов, а он, не то чтобы отделаться от меня и выпроводить скорее, а наоборот – усадил, предложил чаю. А сам, тем временем, всё глазами бегал по строчкам. Минут через десять оторвался от бумаги, улыбнулся и говорит: «Мне нравится, как вы пишете. Я бы с большим удовольствием уверил вас, что мы эти рассказы напечатаем в ближайших номерах. Но, к сожалению, моё слово здесь не первое. Всё зависит от главного редактора. А он у нас слишком большой привереда и считает, что все должны писать как Толстой, Чехов или Горький». А потом пожал плечами и добавил: «Со своей стороны могу обещать одно: озвучу начальству свою положительную рецензию. А там уж, что скажет Сергей Николаевич. Но вы позвоните мне через недельку-другую. Думаю, к этому времени всё будет ясно». А когда я позвонил, и он мне с радостью сообщил, что уже к концу месяца выйдет мой первый рассказ. Вот так... Очень жаль, что не стало Петра Петровича. Хочешь не хочешь, а невольно подумаешь, что кто-то там, на самом верху, уже давно за всех всё решил: кому на этом свете оставаться, а кому пора отходить в мир иной... А мы тут крутимся, суедемся, бегаем как муравьи и не знаем, что в любой момент наши минуты на этой земле могут оказаться последними.

– Ой, Клим, не пугай... Хорошо, что я велела Варваре отправить Толстякову телеграмму о нашем приезде. А то, глядишь, и разъехались бы. Мы в Сочи, а Сергей Николаевич – в столицу на похороны.

– Не думаю, что из-за этого он помчался бы в Петербург. Он давно мечтал уехать к морю и закончить редактуру «Истории танца». А что касается газеты, то, как говорится, свято место пусто не бывает. Наверняка, там целая очередь кандидатов на освободившееся место. Да и редактор Кривошапка не даст упасть тиражам, побоится гнева хозяина. – Ардашев шёлкнул крышкой золотого Мозера и сказал: – Нам пора, дорогая. Через час пароход отчалит от пристани, а наши чемоданы ещё в отеле.

Кроме неожиданной печальной новости настроение портил и неприятный суховей, грозивший перерасти в «бора» – ураганный «норд-ост», срывающий крыши, ломающий телеграфные столбы, как спички, и с лёгкостью Гулливера переворачивающий железнодорожные вагоны. Клим Пантелеевич слышал про это стихийное бедствие, но жену пугать им не стал, надеясь, что на этот раз судьба будет к ним благосклонна, и плавание пройдёт спокойно.

Свободный фаэтон нашёлся сразу, стоило только выйти на улицу. Ветер становился всё сильнее, и полог коляски опустили. Извозчик, довольный, что не придётся возвращаться в порт пустым, цокал языком, подгоняя лошадок, и подёргивал вожжами.

Не пошло и полчаса, как Вероника Альбертовна и Клим Пантелеевич уже подъезжали к порту.

Ярко-синяя бухта сияла на солнце большим голубым блюдом. Благодаря восточному и западному молу ветер почти не волновал море. Было жарко. Пахло просмоленным канатом, свежей масляной краской и паром. Где-то впереди, на рейде, стоял военный корабль.

На крайней пристани РОПиТа² царила обычная суета. У парохода «Батум» толпился народ: дамы в элегантных шляпках, несколько пехотных офицеров в белоснежных кителях, какие-то инженеры, монахи в скуфьях с посохами и крестьяне. Погрузочная паровая лебёдка вытягивала длинную шею и склонялась, точно огромный журавль, то над трюмом, то над пристанью. Было слышно, как цепь, гремя кольцами, гусеницей ползла по барабану. Рабочие вешали сетки с багажом на крюк лебёдки, который проходил над их головами, поворачивался и зависал над палубой.

– Майна помалу! – кричал кто-то из чрева трюма.

Груз опускался, отцеплялся и укладывался в нужное место.

– Вира! – раздавалось оттуда, цепь теперь ползла вверх и кран поднимался.

Рядом с Ардашевыми сутился носильщик, и вскоре оба жёлтых глобтроттера, уложенные в сетки, поплыли в воздухе.

Не прошло и двадцати минут, как приём багажа закончился. Трюм закрыли и пассажиров пустили на борт.

Вдруг откуда ни возьмись, на причал принеслась запоздалая пролётка. Из неё почти на ходу выпрыгнул морской офицер и побежал по трапу. За ним с чемоданом, едва поспевая, торопился кучер. Поднявшись по трапу, офицер сунул извозчику деньги, и тот вернулся на берег.

Ударил судовой колокол, и трап с визгом вкатился на палубу.

«Батум» издал гудок и медленно отвалил от пристани. Заворачивая широким полукругом, он покинул бухту. Оба гребных винта вспенивали синюю воду, оставляя за собой белый пузырчатый след. Выйдя в открытое море, пароход пошёл вдоль побережья. Морем до Сочи 120 морских миль или 208 вёрст. За восемь часов можно было бы спокойно преодолеть весь этот путь, если бы не три остановки: в Геленджике, Джубге и Туапсе. И только потом – Сочи. Ардашевы так и остались стоять у вант, любуясь уходящим от них городом.

Товаро-пассажирский двухпалубный пароход «Батум», несмотря на средние размеры имел грузоподъёмность в девятьсот шестьдесят тонн. Две вертикальные паровые машины тройного расширения в тысяча сто лошадиных сил позволяли развивать скорость до десяти с половиной узлов. Построенный в Англии в 1896 году, он брал на борт сорок два пассажира в каютах 1-го и 2-го классов и триста человек в помещениях 3-го класса. Экипаж состоял из тридцати четырёх моряков. РОПиТ арендовало его у Русского общества Азовского пароходства одиннадцать лет подряд и только в прошлом году выкупило в собственность. За рубеж «Батум» не ходил и эксплуатировался только на Крымско-Кавказской линии.

Устав от долгого созерцания прибрежных красот, супруги спустились в каюту. Если не принимать во внимание отсутствие прямых углов, она напоминала собой вполне сносный номер гостиницы. Ужин в ресторане был назначен на семь часов, и ещё оставалось время для короткого отдыха. Но заснуть Клим Пантелеевич так и не смог. Он вновь и вновь перечитывал статью из «Нового времени» и никак не мог понять, что в ней его смущает. Мысли никак не укладывались в привычную стройную цепочку. Они путались, мешали друг другу и напоми-

² РОПиТ – (сокр.) – Российское Общество Пароходства и Торговли (прим. авт.).

нали собой рассыпанные по земле бусы, которые, на первый взгляд, совсем невозможно было отыскать и нанизать на нитку.

Вероника Альбертовна тем временем была поглощена чтением женского романа. Теперь её героине, вероятно, везло, и жена, сладко улыбаясь, жадно перелистывала страницы.

Совсем незаметно подошло время ужина. Покинув каюту, Ардашевы поднялись в ресторан.

Пассажиры первого и второго класса обслуживались за одними и теми же столиками, но второй класс платил по счёту, а ужин первого входил в стоимость билета. Меню не было столь разнообразным, как в обычном ресторане, но всё же Вероника Альбертовна заказала совсем недурные блюда: суп из курицы с фаршированными сморчками, Новороссийское жаркое из баранины и парфе из земляники. Клим Пантелеевич горячее брать не стал и обошёлся разварной говядиной с хреном, солёными груздями, варёным картофелем и небольшим графинчиком «Смирновской»; на десерт велел подать кофе по-турецки.

Примерно через час разомлевшая от сытного ужина публика потянулась наверх.

Отлогие берега, постепенно сменились крутыми скалами. Вдали показались заросшие лесом горы. Подул ветер, и началась небольшая качка. Луна уже стояла в небе и едва выглядывала из-за туч. Незаметно опустились сумерки, и безбрежное море утонуло в густой темноте. На палубе зажглись огни, и теперь казалось, что пароход ожил – у него появились черты лица. Но двигатель стучал испуганно, точно сердце приговорённого перед казнью, и будто боясь завести пассажиров на самый край тихой бездны – туда, где встречаются два мира: земной и небесный.

Вскоре разговоры на палубе стихли, и все разбрелись по каютам.

Среди ночи Ардашев проснулся. Разбудил скрежет корабельной лебёдки. Машины застопорились и бросили якорь. Выглянув в иллюминатор, он увидел, как к пароходу пришвартовывались турецкие фелюги с керосиновыми фонарями на носу и корме. Пассажиры спускались в них по верёвочным лестницам. Вдали огнями горело какое-то селение. «Геленджик – первая остановка» – рассудил присяжный поверенный и опять провалился в мягкий, как пух, сон. Вероника Альбертовна всю ночь сладко спала и ничего не слышала.

Ни Джубгу, ни Туапсе адвокат не видел и открыл глаза лишь в тот момент, когда в каюту постучал стюард и предупредил о скором прибытии в Сочи.

Минут через тридцать супруги, как и большинство пассажиров первого и второго классов, уже стояли на палубе рядом со своим багажом. Публика заметно волновалась за чемоданы, которые следовало опустить в фелюгу и без помощи носильщиков принять и не уронить в воду.

«Батум» плавно скользил по гладкой поверхности моря, оставляя за собой бирюзовый след.

С моря дул лёгкий ветерок. Солнце уже выглянуло из-за вершин и озарило их снежные пики розовым светом. Тёмная зелень горы Ахун казалась совсем близкой. Длинная цепь хребтов скользила вдоль берега и терялась в густой синеве неба. Ниже, на покрытых бурной растительностью склонах, белели дачи. А чуть поодаль устремила ввысь колокольня храма Святого архангела Михаила, сверкающая золоченым куполом. У самого моря непотопляемой скалой смотрелся маяк. Отчётливо виднелись огромные здания «Кавказской Ривьеры» – лучшего отеля Сочи.

Пароход остановился. Бросили якорь. Подплыли фелюги с новыми пассажирами, которые с помощью турок-гребцов забирались на борт по верёвочной лестнице.

Наконец, настала очередь опускаться в фелюги вояжёрам, прибывшим в Сочи. Вероника Альбертовна, следуя за мужем, благополучно перебралась в лодку, отчалившую от «Батума». Багаж спускали на лебёдках. Услужливый турок сам перехватил чемоданы у Ардашева. Присяжный поверенный одарил его целковым.

Турки-гребцы работали слажено. Минут через пять фелюга зацепила дном берег.

Бросили сходни, и публика, осторожно ступая, перебралась на сушу.

– Ну вот, слав богу, на этот раз нам повезло, – обращаясь к адвокату, проговорил невысокий господин в котелке и костюме лет пятидесяти с небольшим.

– Повезло? И почему?

– При высокой волне пароходы РОПиТа проходят мимо Сочи до самого Адлера. И уже оттуда бесплатно доставляют пассажиров обратно дилижансами. А при сильной буре корабли иногда плывут без остановок аж до Сухума. Вот и возвращайся тогда! Как ни печально, но в таких условиях находятся все пункты паромных остановок на Черноморском побережье кроме Новороссийска, Туапсе и Батума, где имеются гавани. Поти, хоть и имеет гавань, но в шторм пароходы туда стараются не заходить. Так что трижды надо подумать, прежде чем решиться добираться морем в Анапу, Геленджик, Сочи, Адлер, Гагры, Гудаут, Новый Афон или Сухум, где, как вы изволили убедиться, высаживают прямо на рейде в эти турецкие лодки.

– Согласен, удовольствие не из приятных, – кивнул присяжный поверенный, ставя чемодан на землю. – Теперь, как я понимаю, нам следует найти фаэтон.

– Не волнуйтесь. Эти прощелыги извозчики не заставят себя долго ждать. Они работают только утром и днём. После девяти вечера совсем не хотят никуда ехать и, чтобы добраться в порт, приходится обращаться к городским. Только их они и боятся.

– А вон и экипажи! – указывая на приближающиеся пролётки и ландо, обрадовано воскликнула Вероника Альбертовна.

Попутчик тут же махнул рукой первому извозчику, забрался в коляску и отъехал.

Следом остановилось четырёхместное ландо на резиновых шинах. Из него вышел сухопарый господин лет пятидесяти с густыми усами и бритым подбородком, с добрым и открытым лицом.

– Здравствуйте, дорогие мои! Я так рад, так рад! – рассыпался в любезностях встречающий. – Супруга ждёт вас. Мой собственный экипаж к вашим услугам.

Немолодой уже извозчик погрузил багаж и, дождавшись, когда все усядутся, тронул лошадок. Толстяков на правах местного чичероне рассказывал гостям о городе:

– Сочи расположен в устье одноимённой реки и состоит из двух частей: Верхней и Нижней. В Верхней – дачи, сады и парки. В Нижней, по которой мы сейчас едем, – базары, паромные и страховые конторы, мастерские, магазины, кофейни... Жизнь, здесь, как видите, бьёт ключом с самого утра. Вообще-то, зимой в городе проживает пять тысяч человек, летом – около десяти. Есть две библиотеки, Народный Дом, два театральные зала, постоянная труппа, две газеты. Как видите, не густо. С вашим Ставрополем, наверное, не сравнить да?

Вероника Альбертовна язвительно хмыкнула, собираясь что-то сказать, но, глянув на мужа, передумала.

– Ставрополь не такой уж большой, но как губернский центр имеет всё, что нужно. По числу жителей я бы, наверное, сравнил его с Новороссийском. Минусом нашего города является полное отсутствие водного сообщения. Ни судоходной реки нет, ни выхода к морю. Жизнь оживится, когда закончится строительство Армави́ро-Туапсинской железной дороги, проходящей через наш город.

Имение Толстякова находилось в трёх верстах от города, и ландо добралось туда довольно скоро.

Глава 4

Два листа

Сергей Николаевич Толстяков родился в семье мелкопоместного дворянина Рязанской губернии. Гимназию закончил рано и уже в четырнадцать лет поступил на юридический факультет Московского университета. По окончании стал работать помощником присяжного поверенного. Вечерами сочинял рассказы и отсылал их в разные газеты и журналы. Его писательские способности заметили и стали печатать в «Петербургской газете». Вскоре он влюбился в дочь своего клиента – генерала Стахова. Отец противился браку, но неугомонный ухажёр выкрал невесту во время бала и увёз. Родителю ничего не оставалось, как благословить дочь. До работы присяжным поверенным оставалось ещё три года, и молодой муж, не желая зависеть от тестя, оставил адвокатскую практику. На скопленные за год деньги и приданное жены он купил заложенное в Дворянском земельном банке имение Ерлино в Скопинском уезде родной Рязанской губернии. И там, не имея опыта, достиг поистине фантастических результатов в животноводстве, птицеводстве и садоводстве. Был удостоен наград на нескольких международных сельскохозяйственных выставках.

Имение стало приносить прибыль, и через некоторое время он арендовал, а потом и купил ту самую «Петербургскую газету», которая дышала уже на ладан.

Сначала было трудно. Денег не хватало, и был случай, когда пришлось заложить столовое серебро, чтобы приобрести бумагу для выпуска одного номера. Только не прошло и пары лет, как тираж «Петербургской газеты» достиг двадцати пяти тысяч экземпляров. Как завистливо говорили его друзья, «газета Толстякова стоит больше любого золотиносного сибирского прииска».

Шли годы. Толстяковы жили дружно. Сергей Николаевич оказался незаурядным беллетристом, удачливым драматургом и хоть сам себя издавал, но продавался успешно и его пьесы ставили на подмостках столичных и московских театров. Надежда Алексеевна писала критические литературные статьи, рассказы, новеллы и переводила иностранных авторов. Газета стала престижной. В ней печатались самые известные прозаики России: А.П. Чехов, Н.С. Лесков, А. И. Куприн, В.Г. Авсеенко, Н.А. Лейкин и другие рангом поменьше, в том числе и Клим Пантелеевич Ардашев. Чуть позже Толстяков начал выпускать и толстое литературное приложение, продававшееся во всех книжных лавках.

Популярность издания достигла такого масштаба, что Государь Александр III пожелал увидеть удачливого молодого издателя и сам заглянул к нему на чай. Вот тогда Император, уже наслышанный об успехах Толстякова-помещика, и предложил ему купить плохо освоенные земли на Черноморском побережье. И тот согласился. Всего через несколько дней в его собственность перешли пятьдесят десятин прибрежной земли на южном склоне Лысой горы неподалёку от Сочи. Тогда, в 1890 году, он расчистил от непроходимого леса участок в семнадцать с половиной десятин и заложил персиковый, и сливовый сады. К осени 1892 года завершил общую планировку парка-дендрария и назвал его в честь жены – «Надежда».

Через несколько лет фруктовый сад стал приносить неплохой доход. На эти деньги новый землевладелец решил закупить диковинную флору в питомниках всего мира. Некоторые образцы плыли с Южной Америки и Австралии.

Перед транспортировкой каждую «зелёную посылку» тщательно упаковывали и чтобы не повредить ветви, сооружали вокруг деревянный каркас. Финиковые пальмы, саговое дерево, кипарисы, австралийскую и японскую сосну, сакуру, кактусы, чайные кусты, бананы, агаву, юкку, драцену, бамбук везли на пароходах в горшках с родной землей. Деревья и растения перегружали на фелюги, потом переправляли на берег, клали на арбы с быками и доставляли в

парк. Сажали просто: выбивали крышку дна, а боковые стенки не трогали, опускали заморского «гостя» в яму и засыпали. Тонкая фанера потом перегнувала. В последнюю очередь на пальмах, соснах и кипарисах разбирали каркас.

Но все заботы о благоустройстве давно закончились, и парк приобрёл аккуратный вид, сочетающий в себе совершенно разные растительные зоны: средиземноморскую, гималайскую, японскую, австралийскую, мексиканскую и кавказскую. Всё здесь было продумано до мелочей: беседки, лавочки, дорожки, фонтаны и даже фарфоровые таблички на каждом дереве с указанием названия и года посадки. Законченность парку придал белый двухэтажный домик с башенкой, выступами и террасами, стоявший на фоне темных дубов и платанов. Строение высилось над поляной, и оттуда было прекрасно видно море.

После завтрака хозяйка повела Веронику Альбертовну гулять по парку, а Толстяков и Ардашев, попивая кофе с коньяком, так и остались сидеть на террасе.

Издатель достал из кармана кожаный порттабак³ с серебряной вставкой на крышке, книжку папиросной бумаги, вырвал лист и скрутил немецкую папиросу⁴. – Какая красота! Так бы жил и жил, – вздохнув, вымолвил он.

– Так в чём же дело, Сергей Николаевич? Живите себе на здоровье, – ответил Ардашев.

– Вы не забывайте – мне уже 53, как-никак возраст. Самое время уходить в скит, молиться и ждать прихода избавительницы.

– Простите, кого?

– Смерти, конечно же. Ведь она избавляет нас от мирских забот, несчастий, бед и болезней. Смерть – благо человеческое.

– Что-то не нравится мне ваш настрой. Это вы из-за гибели Петра Петровича в уныние впали?

– А что, уже успели прочесть в газетах?

– Да, в «Новом времени».

– Какой ужасный несчастный случай! Но знаете, с ним рано или поздно должно было произойти что-то несурзное: либо под трамвай должен был попасть, либо от нечаянного укола иголки столбняк подхватить, либо от укуса бешеной собаки погибнуть.

– Почему вы так думаете?

– Сырокамский производил впечатление неудачника, этакого гоголевского Акакия Акакиевича в рваной шинели и с потухшим взглядом, жалкенький весь такой... Нет, я не в рассуждении его платья, я фигурально выражаюсь.

– А какого он был сословия?

– Из разорившихся дворян. Родители умерли от чумы ещё в годы его младенчества. Находился на воспитании у тётки, капитанши. Жили не богато, по месту последней службы её мужа. Но образование ему всё-таки дали, в Петербург учиться отправили. Помогали, как могли, только денег всё равно не хватало. Помню, как он к нам пришёл – в вытертом сюртучке, в потрескавшихся туфлях и с просящими глазами бассет-хаунда. Взял я его для начала корректором. Ничего. Справился и остался. Семнадцать годков проработал. Дорос до первого секретаря газеты. Привык я к нему, как к младшему брату. Жалованьем не обижал. Говорят, он на всём экономил и копил деньги. Но зачем они ему теперь?

– А до редактора что ж, не дотянул что ли?

– По знаниям и умениям даже перерос, а вот по характеру – нет. Добрый сильно. Не мог он с людьми ссориться, когда это было надобно. Года три назад велел ему уволить одного запойного репортёра и в расчёте десятку за прогулы удержать. Так он носился с ним несколько

³ Порттабак – коробочка для ношения табака (прим. авт.).

⁴ Так чаще в России до Великой войны называли сигареты, которые скручивали вручную. Для этого носили с собой порттабак и книжечку с отрывными листами папиросной бумаги (прим. авт.).

дней, уговаривал не скандалить. В итоге, весь расчёт до копеечки выдал, вложив туда свой червонец. Вот такой был человек, земля ему пухом.

– А что ж, на похоронах родственники были?

– Куда там! – он махнул рукой, сделал глубокую затяжку, и, выпустив дым, сказал: – Года три назад благодетели его умерли. Сначала дядя, а на следующий день – представляете? – и тётка. Убивалась, сердечная, горевала по мужу, вот её удар и хватил. Наследство оставили очень скромное: расшатанная мебель да несколько сот рублей на счету. Жили они в съёмной квартире. Своей недвижимости не имели. Пётр Петрович на похороны ездил, каменные кресты им поставил, церковному сторожу на год вперёд заплатил, чтобы тот за могилками ухаживали.

– А семьи у Сырокамского не было?

– Бобылём жил. После похорон Кривошапка звонил, рассказывал, что кроме сослуживцев проститься с ним никто так и не пришёл. – Толстяков вздохнул и сказал: – Эхма! Был человек, ходил по земле – и не стало. Одно оплавленное пенсне осталось. – Он посмотрел внимательно на присяжного поверенного и добавил: – Смерть, мой друг, она среди нас. Мы просто её не замечаем, пока расталкиваем толпу локтями. Бежим, торопимся, а она рядом. Идёт не спеша, посмеивается и ждёт, пока кто-нибудь из нас не споткнётся.

– Сырокамский погиб двадцать шестого июня, а ваше письмо датировано двадцать третьим, когда Пётр Петрович был ещё жив и здоров. Как это понимать? Выходит, вас расстроило что-то другое? Иначе вы бы не писали мне постскрипту, наполненный тревогой. Так что давайте, рассказывайте подробно.

Ардашев, сделал маленький глоток кофе и откинулся на спинку плетеного кресла.

– Вы правы... Видите ли, я получаю от Кривошапки, моего редактора, бандероль с копиями текстов авторов, отобранных Сырокамским для издания в газете. Я обычно знакомлюсь с их творениями, и принимаю решение, кто достоин у нас печататься, а кто нет. Об этом сообщаю письмом или звоню. Двадцатого июня я и получил объемистую бандероль, и несколько писем. В одном из них лежало только два листа с прологом какого-то романа. Как вы понимаете, мне нужно произведение целиком, а не частями. Не скрою, меня расстроило, что мой сочинский адрес попал к постороннему лицу. Испугался, что графоманы мне так никогда покоя не дадут... Одну минутку, я его сейчас принесу, – Сергей Николаевич поднялся и вышел.

Ещё не было и одиннадцати, а солнце уже поднялось так высоко, что слепило глаза. Рыбацкие лодки, уплывшие за версту от берега, замерли в нескольких саженьях друг от друга. На горизонте, почти слившемся с морем, возник пароход. Дым валил из трубы и разливался чернилами по небу, оставаясь единственным пятном на светлом фоне бескрайней панорамы. Клим Пантелеевич невольно залюбовался открывшейся картиной, но вновь появился Толстяков и продолжил рассказ:

– Будучи в расстройстве, я выбросил конверт, а эти два листа остались лежать в общей куче рукописей. Позже, я нашёл их. Вот, извольте, – он вынул из кожаной папки бумаги и протянул Ардашеву. – Вы читайте, а я распоряжусь, чтобы горничная сварила ещё кофе. Не возражаете?

– С удовольствием, – кивнул присяжный поверенный и погрузился в чтение:

«Роман
Черновик беса

Пролог

Объявление для господ авторов

1. Редакция принимает только рукописи, переписанные на машинке или очень чётко пером; рукописи неразборчивые не читаются.
2. На прочтение рукописи полагается срок от 6-ти недель до 2-х месяцев.
3. По поводу рукописей и стихотворений редакция не вступает с гг. авторами ни в переговоры, ни в переписку, хотя бы были приложены марки. Авторы таких произведений, не получившие ответа в течение 2-х месяцев, могут располагать ими по своему усмотрению.
4. Обратная пересылка рукописей по почте производится за счёт гг. авторов и притом исключительно заказной бандеролью.
5. Редактор А.Н. Кривошапка принимает по понедельникам от 10½ – 12 ч. и по пятницам от 1½ – 4½ ч.
6. Первый секретарь П.П. Сырокамский – по средам от 3–5 ч., а так же в дни и часы приёмов редактора.

Вся наша жизнь состоит из ожиданий. Мы ждём, когда окончим гимназию, потом университет. Ждём, когда заработаем себе на безбедную жизнь, когда что-то изменится, всё ждём, ждём, ждём... Хорошо, если ожидания оправдываются, а если нет? Что происходит тогда? Думаю, всё зависит от каждого человека в отдельности. Кто-то с горя начинает пить, а кто-то привязывает верёвку к потолочному крюку и, надев петлю, соскакивает с табуретки.

Мои надежды не оправдались. Я долго и терпеливо ждал, честно трудился, но ничего не изменилось, вернее, изменилось, но только в худшую сторону. Пять лет я писал роман, складывал слова, точно кирпичики в стену, и был уверен, что он произведёт настоящий фурор среди читающей российской публики. Я строил его как дом: накрыл крышу, постелил полы, покрасил стены. Он сиял и пах свежей лентой «Ундервуда». Потом я лично отослал его в столицу, в одну уважаемую газету, и стал терпеливо ждать.

Прошло два с половиной месяца. Письма я так и не получил. Не выдержав, поехал в Петербург. Сняв дешёвую комнату, я отправился в редакцию. После унижительных просьб дать хоть какой-нибудь ответ, плешивый секретарь сунул мне рецензию, написанную красным карандашом на первом листе моей рукописи. Она состояла всего из нескольких слов и гласила: «Несусветная дребедень. Жалкое подобие Конан Дойла. Гнать этого графомана в шею!». Журналист гаденько хмыкнул, похлопал меня по плечу и посоветовал не расстраиваться. «Вы ещё молоды, – провещал он, – и я дам вам совет: бросьте марать бумагу. Сочинительство – не ваше ремесло».

Не помню, как сбежал по лестнице и, даже не застегнув шинели, понёсся домой по холодной зимней улице. Перед глазами мелькали люди, дома, коляски. Я влетел в комнату, упал на топчан и зарыдал. Первая мысль, которая пришла мне в голову, была покончить с собой и, честно говоря, я был уже к этому готов, но потом передумал. Нет, я не струсил. Я просто нашёл правильное решение, и уверен, что оно поможет мне выйти победителем в борьбе не только с собственной судьбой, но и с судьбой других людей, тех, что чуть было не отправили меня на тот свет. Я стану их кукловодом, или, если угодно, – каждем, тем самым, о котором писал ещё Шота Руставели в поэме «Витязь в тигровой шкуре»:

Каджи – это те же люди, только, тайнами владея,
Каждый кадж напоминает колдуна и чародея.
Ослепить он нас сумеет лучше всякого злодея,
И сражаться с ним, проклятым, – бесполезная затея.

Что они творят над нами, эти изверги земли!
Поднимают ураганы, топят лодки, корабли,
По морям умеют бегать и, кощунствуя вдали,

Ночь в сиянии скрывают, день – в тумане и пыли.

Не знаю, как вам, но мне моя затея очень нравится, ведь «каджи – люди не простые, умереть от них – не диво». Но из уважения к русскому читателю, я буду называть себя бесом, потому что это одно и то же. Я готовился несколько месяцев... Итак, начнём!».

– И всё? – удивился Ардашев, подняв глаза на хозяина парка, который нервными точками тушил в пепельнице папиросу.

– Не совсем. Ещё через два дня, двадцать второго числа, почтальон принёс конверт, а в нём было вот это, – Толстяков достал из папки ещё несколько листов, – это продолжение.

Присяжный поверенный вновь стал читать:

«Глава первая.

Сгоревший труп

«Петербург – город привидений и страхов. В нём даже время течёт по-другому. Местные жители давно не обращают внимания на туманы, слякоть, и привыкли к чахотке, на их лицах можно скорее прочесть скорбь, чем радость. Нет, они, конечно, веселятся, но веселье какое-то грустное. Кажется, его и устраивают, чтобы забыть о серой повседневности», – примерно такие или очень похожие мысли обуревали Алексея Алексеевича Твердохлебова, первого секретаря редактора «Невской газеты», когда он шёл на службу.

Нельзя сказать, что Твердохлебов не любил жизнь – напротив. Она нравилась ему во всех своих проявлениях: в полёте шмеля, жужжащего над цветком липы, в мимолётной улыбке, проезжающей в ландо дамы, в шампанском, пенящемся в бокалах, но так уж сложилось, что он научился скрывать внешнюю радость и смотреть на эти земные прекрасности через лёгкий прищур с последующей ироничной ухмылкой. Наверное, именно из-за этого он и казался многим занудой.

Алексей Алексеевич неторопливо открыл дверь рабочей комнаты и, взглянув на часы-ходики, сел за стол, заваленный поступившей за вчерашний день корреспонденцией. Её присылали со всех уголков империи. И каждый графоман был уверен, что его роман, повесть или рассказ – лучший. Опытному сотруднику газеты иногда было достаточно взглянуть на первую страницу, чтобы понять стоит ли читать дальше. До синопсиса чаще всего и не доходило. А если и случалось чудо, и он углублялся в рукопись, то иногда не замечал, как за окном опускался вечер, и пора было зажигать лампу.

Так произошло и на этот раз. Алексей Алексеевич снял стекло, поднёс к фитилю спичку и водрузил колпак на место. Лампа горела, и огонь был ярким и даже слегка слепил глаза, отчего строчки начинали расплываться. Вот тогда Твердохлебов и решил прикрутить колёсико. Но лучше бы он этого не делал...

От взрыва лампу разнесло на части.

Обугленные останки секретаря обнаружат только после того, как потушат пожар.

– Бедолага погиб глупо, впрочем, как и жил, – скажет простой обыватель, прочитав сообщение в газете.

– Ничего не поделаешь – судьба, – тихо пробормочет другой.

И только я, услышав их разговор, промолчу и усмехнусь той же самой улыбочкой, с которой Твердохлебов советовал мне бросить писать. Но я пишу, а этот несчастный уже почил. Он ушёл из жизни, ничего после себя не оставив. У него не было ни дома, ни семьи, ни кошки, ни собаки, ни сколько-нибудь ценного имущества. Собственно, и горевать по нему некому. Был – и нет. Испарился, как дождевая капля на плаще. Пройдёт пара-тройка недель, и о нём никто не вспомнит. Быть может, вы хотите узнать, почему я его сжёг? Хорошо, отвечу: я побоялся,

что после смерти он попадёт в рай, так и не испытал ужасов адского пламени. Вот потому-то мне и пришлось устроить ему жаровню ещё при жизни.

Говоря по правде, дорогой читатель, это только начало. Самое интересное – впереди. Поверьте, мой уголовный роман захватит вас больше, чем его жалкое подобие – приключения выдуманного и никогда не существовавшего в действительности господина Шерлока Холмса. Это персонаж жил на бумаге, а я и мои герои – настоящие, живые. Они здесь, они рядом; стоят подле вас и наблюдают за каждым вашим движением. Они будут любить, изменять, страдать и умирать вместе с вами.

Надеюсь, милостивые государи и государыни, моё чтиво вас заинтриговало. Я чувствую, как вы уже сгораете от желания узнать, что же будет дальше. Но наберитесь терпения, пока я занят сочинительством нового сюжетного поворота. Все мои главы хоть и короткие, но очень волнующие. (*Продолжение следует*)».

Появилась горничная, поставила кофейник, разлила кофе и удалилась.

– Ну-с, дорогой мой, что скажите? – спросил Толстяков, засыпая табак в новый прямоугольный кусок папиросной бумаги. Его пальцы слегка дрожали.

– Насколько я понял, вы считаете, что в романе указан Твёрдохлебов, а подразумевался Сырокамский?

– Это очевидно. Как и то, что «Невская газета» – «Петербургская газета».

– А почтовый конверт последнего письма у вас сохранился?

– Извольте.

– Так-с, – разглядывая штемпели, рассуждал присяжный поверенный, – Письмо отправлено из Петербурга 17-го июня, то есть за девять дней до гибели первого секретаря. Если следовать вашим предположениям, то получается, что преступник заранее знал о предстоящей кончине Сырокамского, так?

– Именно. Мало того, что знал. Он был в ней уверен и потому пишет о его смерти как о свершившемся факте тогда, когда последний ещё здорововал. – И вы, как я понимаю, не придали значения этому письму и не стали звонить в газету, так?

– Конечно! Я же не придал этому значения. Мало ли сумасшедших на свете!

– Осведомлённость автора о будущем удивляет. Он подробно излагает то, что случится много позже. Однако ни на секунду в этом не сомневается и опускает конверт в почтовый ящик. Поистине дьявольская расчётливость при совершении смертоубийства!

– Вы тоже считаете, что Сырокамского отправили на тот свет? – дрожащим голосом спросил Толстяков.

– Очень на это похоже.

– Послушайте, – встрепенулся Толстяков, – а что, если почтовый штемпель на конверте поддельный и меня просто разыграли? И вторая глава написана уже после пожара в редакции? А? Может всё не так страшно? – с надеждой в голосе спросил издатель.

– Нет, это настоящая почтовая отметка Петербурга, а уж про сочинскую я и не говорю. Но знаете, даже эти две детали не самые главные доказательства убийства первого секретаря. – Ардашев сделал маленький глоток кофе и продолжил: – Видите ли, с самого начала я усомнился в том, что произошёл несчастный случай. Керосиновая лампа может взорваться только при строго определённых условиях: во-первых, в резервуаре должно быть совсем мало керосина, поскольку для взрыва надобно достаточное количество паров, а не жидкости; во-вторых, горящий фитиль должен упасть в резервуар, а он, как вы знаете, на резьбе и закручивается. Следовательно, для этого придётся вставить фитиль меньшего диаметра и закрепить его таким образом, чтобы через несколько минут он провалился вниз вместе с внутренней частью. Скорее всего, это можно сделать либо с помощью воска, либо, что лучше, с использованием бумаги. Взрыв мог произойти в любой момент, стоило только Сырокамскому поднести спичку.

– То есть вы хотите сказать, что злоумышленник приготовил оружие убийства и просто ждал, когда жертва приведёт его в действие?

– Совершенно верно. Хотя он мог и помочь потерпевшему. Допустим, сам занёс к нему уже переделанную лампу.

– Но зачем он это сделал?

– Если судить по рукописи, то мотив один – отомстить за то, что его оскорбили отказом напечатать роман.

– Господи! Но вам известно, сколько в России развелось новых Шерлоков Холмсов? Этот сыщик теперь уже не проживает в Лондоне. Ему там тесно. Он в Петербурге, Рязани, Пензе, Самаре и Бог знает, где ещё Теперь мистер Холмс говорит на русском языке так, что даже сибирские мужики – сплавщики леса – принимают его за своего работягу. Вы можете себе представить такую чепуху? А ведь пишут, пишут и пишут... И уверены, что их бумагомарательство заслуживает внимания. Знаете, совсем недавно я читал ещё одну подобную галиматю. Так вот, в ней, господа Холмс и Пинкертон вместе ищут пропавшую русскую княжну и по этой причине ныряют в аквалангах на дно Невы, и там – представляете! – случайно отыскивают подводную трубу, по которой в столицу, минуя таможеню, откуда-то из-за границы гонят мадеру, малагу и белое вино. А? Каково? Ладно бы в море, а то в реке!.. И что же, по-вашему, я должен уделять внимание каждому такому шелкопёру? Да! По всем вероятностям, я, находясь в дурном расположении духа, и наложил слегка грубоватую резолюцию. Не спорю. Такое могло произойти. Но разве я обязан соблюдать вежливость к авторам бездарных произведений?

– Тут, Сергей Николаевич, дело уже не в вежливости. Как видите, Бес – позвольте мне его так называть – прекрасно осведомлён обо всех обстоятельствах работы Сырокамского.

– К сожалению, это так, – грустно согласился Толстяков.

– Но как вы это можете объяснить?

– Даже не знаю, что и сказать. Предполагать, что он был дружен с кем-то из редакции? Может быть, хотя это и маловероятно.

– Почему?

– Понимаете, в таком случае Сырокамский сам бы мог посмотреть рукопись и вполне по-свойски отказать этому *litteratus homo*⁵ и даже не направлять её мне.

– А что если Бес – один из ваших близких знакомых, тот, кто хорошо знает редакционную жизнь, но стесняется признаться, что пишет и потому послал роман в газету под псевдонимом?

– Конечно, чисто теоретически такой возможности отрицать нельзя. Но я ума не приложу, кого в этом можно подозревать.

– А родственники?

– Нет-нет, дорогой Клим Пантелеевич, поверьте-с, таковых среди них нет. Никто из них не отважился бы на смертоубийство... Но знаете...

– Что?

– В Петербурге мне часто надоедал визитами один поэт – Петражицкий Рудольф Францевич. Он всегда крутился в газете и всем был друг. Известен под псевдонимом Аненский. Не слышали?

– Аненский?

– Да.

– Но как можно брать для литературного псевдонима фамилию известного русского поэта?

– Я говорил ему об этом. Но Петражицкий ответил, что, во-первых, Иннокентий Фёдорович Анненский скончался ещё в 1909 году, а во-вторых, что он пишет псевдоним с одной «н», а не с двумя.... Но не в этом суть. Дело в том, что Аненский, не имея успеха в поэзии,

⁵ *litteratus homo* – (лат.) писатель (прим. авт.).

решил переключиться на прозу и стал заваливать нас бездарными уголовными романами о сыщиках-полицейских. Мы пытались вежливо намекнуть ему, что художественная ценность его произведений не высока, но он не соглашался, а лишь слегка переделав свою повесть или роман, присылал (теперь уже по почте) вновь, но под псевдонимом. Сырокамский просто стоял от него и всячески избегал. А тот не давал ему проходу, и, как мне рассказывали, однажды даже угрожал убийством. Но тогда никто серьёзно к его словам не отнёсся.

– А вы не вспомните, есть ли у Петражицкого какие-либо особые приметы, по которым мы могли бы его опознать?

– Но зачем? Я его и так узнаю.

– И всё же?

– Он слегка прихрамывает на правую ногу. Это результат пьяной драки в каком-то ресторане. Стихотворец повздорил с гвардейским офицером, и тот спустил его с лестницы.

– Да-а, – задумчиво проронил Ардашев, – от такого недуга быстро не избавишься. А может, припомните ещё какого-нибудь недовольного автора уголовных романов?

Толстяков посмотрел в потолок, пожевал губами и сказал:

– Два года назад в Суворинском театре ставили мою драму «Ночная прогулка». Главную мужскую роль исполнял Фёдор Лаврентьевич Бардин-Ценской. Играл замечательно, и, как это часто бывает, зазнался. Стал скандалить и требовать дополнительных выплат. В итоге, его уволили из труппы. Актёр запил. Но примерно через год с ним произошла невероятная метаморфоза: пить бросил и начал писать уголовные романы. Не скажу, что уж совсем бездарные, нет. Но так себе. Ни сюжетных поворотов, ни лёгкости слога, ни загадок, ни сочных персонажей. Предложения громоздкие и неповоротливые, точно вагоны на мостовой. Как вы понимаете, он тут же пришёл ко мне и стал просить прочесть рукопись. Я сослался на занятость и отослал его к первому секретарю. Результат почти такой же, как с Петражицким. Возникла ссора. Гипотетически он тоже мог убить Сырокамского. Такой на всё способен. И ещё: Бардин-Ценской сейчас в Сочи. Устроился в наш местный театр. Несколько дней назад нанёс мне визит. И, конечно, явился с новой рукописью. Пришлось взять. А я всё недоумеваю, как можно столько писать? Ну вот вы, как автор, ответьте, сколько вам понадобится времени, чтобы сотворить роман в десять авторских листов, и при этом не бросать адвокатскую практику?

– Примерно, год.

– Вот! И я так думаю. А артист «печёт» по три романа! Да ещё и в Народном Доме в спектаклях участвует.

– А как он в Сочи оказался?

– Он как-то приезжал сюда на гастроли. По его словам, директор местного театра, узнав о его увольнении, пригласил актёра к себе художественным руководителем. Теперь ставит водевили и сам в них играет.

– С ним пока всё понятно. А какие отношения были у Кривошапки и Сырокамского?

– Да никакие, служебные.

– А как вы думаете, Кривошапка способен на преступление?

– Аверьян Никанорович? Да вы же его знаете. Упаси Господь! Он комара убьёт и тут же перекрестится, да и к писательскому обществу относится весьма скептически, и, я бы сказал, с некоторым пренебрежением.

– Допустим. А с кем дружил Сырокамский?

– Знаете, этот, как вы изволили выразиться, Бес очень правильно описал натуру Петра Петровича. Он жил анахоретом и друзей у него почти не было.

– Почти?

– К нему приходил один студентишка-словесник. Секретарь обучал его корректуре. Видел я его – неприятный тип – чем-то хорька напоминал. Такие чаще всего маньяками бывают или судьями.

– А почему судьями? – с улыбкой осведомился адвокат.

– Не знаю. Но лица у них всегда насупленные и взгляд не в глаза, а куда-то мимо, точно видят перед собой не человека, а статью Уголовного Уложения. Для них люди делятся на две категории: виновные и невиновные. Причём, себя они виновными не считают, хотя сам видел: грешат, как черти на ярмарке.

– А как его фамилия?

– Глаголев.

– А звать?

– Феофил Матвеевич.

– А где он сейчас?

– Не знаю, – пожал плечами Сергей Николаевич. – Но, если хотите, я могу позвонить Кривошапке и осведомиться.

– Сделайте милость.

Толстяков поднялся и прошёл в комнату. Ардашев так и остался сидеть в кресле. Он допил кофе, вынул из кармана коробочку ландрина, и, выбрав красную конфетку, положил её под язык.

Хозяин отсутствовал недолго, и, появившись, сказал:

– Редактор поведал, что студент, вероятно, был на похоронах Сырокамского. Во всяком случае, он венок оставил. А потом позвонил новому секретарю и сказал, что уезжает в имение к родителям. Вакация у него и всё такое...

– Послушайте, Сергей Николаевич, а почему бы вам не обратиться в полицию по месту совершения преступления? Пошлите письмом эти главы и приложите собственноручное объяснение.

– Да ну! – махнул рукой Толстяков. – Кто в это поверит? И потом заставят ещё в Петербург ехать на допрос, а мне сейчас совсем не до этого, «Историю танца» заканчивать надо.

– Как знаете.

Задребезжал телефон. Толстяков поспешил в комнату и долго не появлялся.

Устав ждать, присяжный поверенный поднялся и подошёл к самому краю террасы, откуда открывался лучший вид на окрестности.

Солнце начало нестерпимо жечь, и море поменяло краски. В ста саженьях от берега нарисовалась чёткая линия, разделившая воду на бирюзовый цвет у берега, и синий – у самого горизонта. Чайки шумели и радовались беззаботному лету.

Глава 5

Гости

Утро нового дня началось для Ардашевых рано и шумно. Слышалась беготня горничных, хлопанье дверей и чьи-то радостные возгласы. Клим Пантелеевич приподнялся с кровати и посмотрел на часы: без четверти семь. «Вчера, примерно в это же время приехали и мы. Стало быть, у Толстяковых ещё одни гости», – мысленно рассудил он.

Присяжный поверенный оказался прав. Уже через час, за завтраком, Ардашевы познакомились с родственниками хозяина «Петербургской газеты». Пантелеймон Алексеевич Стахов – младший брат жены Толстякова. Податной инспектор из столицы был среднего возраста, высокий, но уже растолстевший; носил красивые в нитку усы и маленькую бородку, напоминающую перевернутый треугольник. Взгляд имел цепкий, как у сыщика или таможенника, и потому встречаться с ним глазами лишний раз не хотелось. Но дабы произвести впечатление человека общительного, он всё время рассказывал анекдоты, давно набившие оскомину даже старым попугаям, сам же над ними смеялся, правда, только ртом, а глаза следили за реакцией окружающих. Его жена – Екатерина Никитична – выглядела моложе супруга лет на десять, хотя, на самом деле, разница в возрасте составляла всего пять лет. Стройная, зеленоглазая, улыбчивая дама со слегка вздёрнутым носиком и лицом в виде сердечка, внешне была прямой противоположностью мужу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.